

K-35

Г. КЕНФИЛЬД

БЭН

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Прол. 1969

ДЛЯ ДЕТЕЙ
СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Г. КЕНФИЛЬД

А'-357

Б

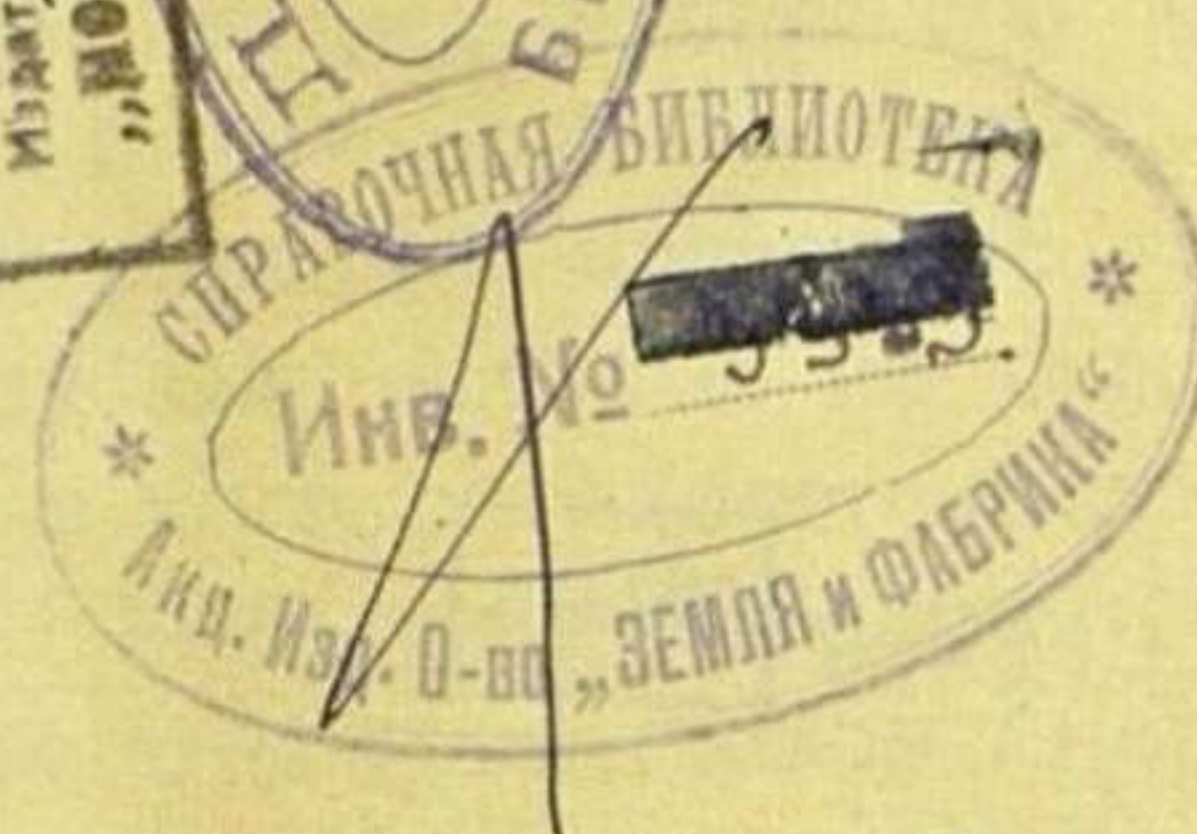
К

Б

Э

Н

РИСУНКИ
С. ШОР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1928 ★ ЛЕНИНГРАД

Canfield (Dorotea Frances Fisher)

В Е Н Т

О Т П Е Ч А Т А Н О
в 1-й Образцовой типографии
Гиза. Москва, Пятницкая, 71.
Главлит А-8593. Д. 21. Гиз 24643.
Зак. № 5952. Тираж 20 000 экз.

674 696 КХ-Рез.

Российская государственная
детская библиотека

12976

1957-58 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

Его звали Бэн. Это очень хорошее имя для пастушеской собаки: оно такое короткое, звучное и так хорошо разносится по степи. Мать Бэна была шотландская овчарка самой чистой крови, а отец его был волкодав. От матери он унаследовал верность, привязанность и ум, от отца — широкую косматую грудь, сильные ноги, быстроту, мужество, рост и сильные челюсти с такими крепкими зубами, которые не сулили добра тому, на кого он рассердится.

Он был черной шерсти с белой грудью. Над каждым глазом у него было по круглому желтому пятну. Хвост у Бэна был пушистый, и шерсть немного курчавилась; а голос у него был сильный, звонкий, как колокольчик.

Детство Бэна ничем не отличалось от детства других пастушеских собак. Пастухи, уходя в степь со своими стадами, подходили поглядеть на щенка, брали его на руки, смотрели ему в глаза, и каждый не прочь был взять его к себе. Однажды, когда Алек Мосс,—один из пастухов, рослый, молодой горец,—отнес Бэна, положил его к матери и повернулся, чтобы уйти, Бэн с визгом выкарабкался и поплелся за молодым пастухом, смешно переваливаясь на своих кривых лапках.

— Смотрите-ка, эй! — сказал Мосс остальным, — он не хочет, чтобы я уходил от него. Ну, это будет моя собака, тут и толковать нечего.

Оба они с первого взгляда полюбили друг друга.

Это было в Америке, в штате Техас.

Место, где находилось пастбище, было холмистое, безлесное; весной оно было покрыто зеленой, а зимою — бурой засохшей травой; на самой вершине холма стояла хижина, а рядом с ней большой, хорошо защищенный от волков, загон

для овец; внутри загона был устроен склад хлопчатного семени. В холодные зимние месяцы овец кормили этим семенем. Около хижины протекал ручей.

В одинокой хижине жил Мосс и еще один человек, который стряпал ему обед и кормил овец утром и вечером. В одном конце хижины помещалась печь, а на другом — большой камин; люди спали на полу под шерстяными одеялами. Бэн спал около камина.

Бэну было шесть недель, когда он в первый раз спугнул кролика и очень удивился, как быстро кролик убежал от него. Кролик показался ему огромным животным, но Бэн несколько не испугался его. Однако ночью, когда Бэн лежал перед пылающим камином, а в ночной темноте раздавался протяжный вой, Бэн вздрагивал, сам не зная почему.

Мосс очень рано начал брать его с собою в степь пасти овец, так что они весь день проводили вместе. Хорошее это было время! Каждый день светило яркое, горячее солнце; воздух был

чист и мягок... Жаворонки звенели над головою.

Бэн нападал иногда на выводок перепелов — и, испуганные, они быстро взлетали на воздух. Бэн был всегда сыт; он катался по траве и скакал около своего хозяина, а когда устанет — садился на вершину холма, а оттуда смотрел по сторонам.

Бэн все больше и больше привязывался к овцам. Только с ними ему было хорошо; если какая-нибудь овца хоть немного отделялась от стада, Бэн бежал за нею, чтобы вернуть ее обратно; овец было несколько сот, но Бэн знал каждую из них.

Двух лет от роду Бэн уже стал известен своим умом. Кто-то из пастухов сказал, что Бэн очень умен и только-что не говорит.

— Нет, — сказал Мосс, — мы с ним отлично разговариваем. Он говорит глазами, ушами, хвостом, а иногда и отом.

Пастухи засмеялись, но Мосс говорил правду.

Когда Мосс и Бэн стерегли на пастбище овец, они вели длинные разговоры. Мосс садился, прислонясь спиной к камню; Бэн клал ему голову на колени.

— Ну, что, все в порядке сегодня? — спрашивал Мосс.

— Да! — как бы отвечал Бэн. — Все как нельзя лучше.

— Сегодня погода хорошая и овцам отлично. — Бэн вилял хвостом в знак согласия. — А скоро нужно будет перевести их на новое пастбище.

— Тяв-тяв! — залаял Бэн и как бы хотел сказать: — Это хорошая мысль, ты прав.

— Смотри-ка, вон там бежит кролик. Не догнать ли тебе его?

Бэн равнодушно отворачивался и как бы хотел сказать:

— Нет, это мне все равно, я за ним не побегу.

— А знаешь, Бэн, внизу, у родника, я видел волчьи следы, — шопотом произносил Мосс.

Бэн настораживался, хвост у него выпрямлялся, как железный прут, и он грозно рычал. Он как бы хотел сказать:

— Я знаю волков. Я слышу их по ночам. Я боялся их, когда был щенком, но теперь я вырос. Волки замышляют что-то злое на наших овец, но если они придут сюда, я с ними посчитаюсь.

— Молодчина, Бэн! Ты не боишься волков...

На такую похвалу Бэн отвечал веселыми прыжками, коротким лаем и бешеной скачкой вокруг Мосса.

В это лето Бэн научился отворять и запираť ерота, поднимая носом стальную щеколду и снова задвигая ее своими зубами.

Он умел ходить на задних лапах и танцевать, считать до десяти коротким и отрывистым лаем, падать навзничь и притворяться мертвым. Как и все почти большие собаки, Бэн относился к этим фокусам с некоторым презрением, но исполнял их, чтобы доставить удовольствие своему хозяину, которому они никогда не надоедали.

Самым драгоценным талантом Бэна было его умение отпирать и запираť ворота, благодаря этому он мог утром

один войти в загон, выгнать оттуда овец и вести их на пастбище, пока хозяин его еще сидел за завтраком. Также и вечером Бэн пригонял стадо и, загнавши, запирал его в загоне. Мосс не позволял, чтобы стадо отходило далеко от хижины без него самого, и Бэн помогал ему в этом.

На третье лето Мосс стал все больше и больше полагаться на Бэна. Трава была везде хорошая, воды достаточно и хищных зверей не видно было поблизости. Каждое утро, на рассвете, они выходили в степь. До десяти часов овцы щипали траву; потом, когда солнце начинало припекать слишком сильно, они сходились где-нибудь под деревьями и тесным стадом ложились на траву.

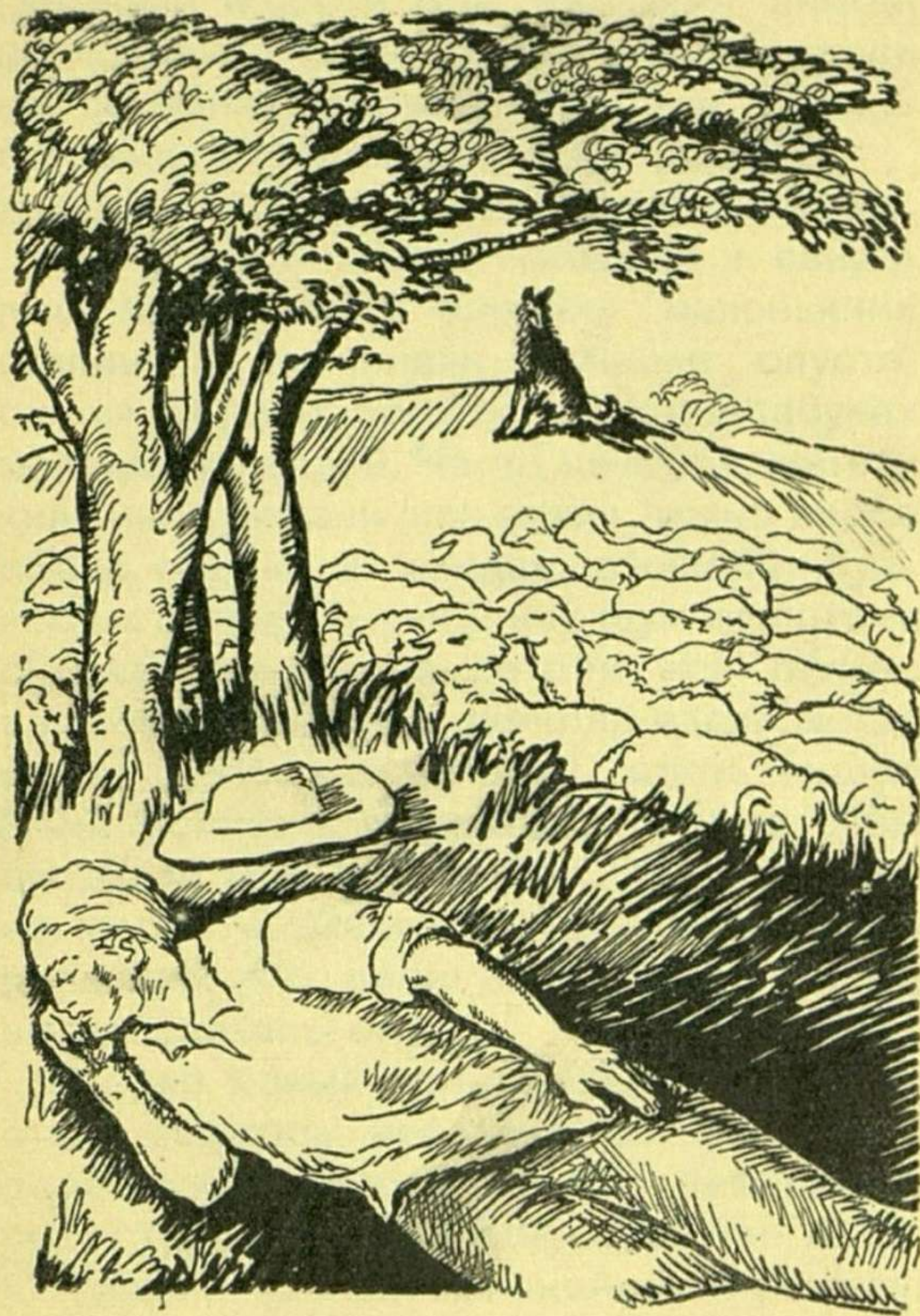
Когда стадо лежало в тени, то и Мосс тоже не прочь был в свою очередь растянуться на траве и вздремнуть, оставив на страже Бэна. И собака никогда не обманывала его доверие. Иногда, проснувшись, Мосс не видел перед собой ни стада ни сторожа, но, пройдя по следу, протоптанному тыся-

чами копыт, он находил их где-нибудь подальше: овцы мирно паслись, а Бэн сидел на вершине холма и зорко наблюдал за ними.

К осени он был уже больше пастухом, чем сам Мосс. Он успевал обежать вокруг стада раз пять в то время, как Мосс не сделал еще и пол-обхода.

Когда следующей весной всех овец собрали для стрижки, Бэн удивил всех пастухов и хозяев стад своим умением отпереть загон, выбрать своих овец, распахнуть ворота и вывести стадо на пастбище совершенно самостоятельно, без всяких приказаний. Все говорили, что Бэн — это бесценная собака.

Первые зимние морозы наступили в декабре. Ни человек ни собака не боялись холода. Хижина была заново промазана смесью глины и мха и хорошо защищена от непогоды. Было запасено много сухих дров, и камин можно было топить сколько угодно по вечерам. И хлопчатного семени для овец было заготовлено достаточно. Когда выпал снег и подул северный ветер, то в хижину,

где жили Мосс и Бэн, неделями иногда не доходило слуха о том, что делалось на соседних фермах. Оба они довольствовались обществом друг друга.

Зимние холода привели с собой волков.

Это были большие, сильные и свирепые звери. Они бродили маленькими стаями и причиняли большие опустошения в стадах рогатого скота и табунах молодых лошадей. Часто вечером жители хижины слышали как волки, точно свора собак, гнались по следам за какой-нибудь несчастной добычей и как шум их погони сначала доносился ветром все ближе, а потом постепенно замирал вдали, когда свора проносилась мимо. Шерсть на шее Бэна вставала щетиной, а белые зубы сверкали при свете огня. Мосс сходил на ферму и принес оттуда пистолет, он привесил его себе к поясу, но волки не попадались ему.

В один ясный день, в начале февраля, стадо паслось недалеко от маленькой деревушки. Моссу очень захотелось пойти туда и купить себе в лавочке сыру. Он думал, что может спокойно отлучиться:

на небе ни облачка, стадо спокойно, Бэн деятелен и надежен, а Мосс надеялся вернуться самое большее через полтора часа. Он сказал:

— Бэн, я иду в деревню купить сыру. Ты останешься здесь, а я скоро вернусь. Смотри хорошенько за стадом; ты получишь также сыру, если захочешь.

Бэн завилял хвостом и в доказательство того, что он понял, положил лапы на плечи своего хозяина. Мосс быстро удалился, а его друг — собака — осталась одна.

Прежде всего Бэн сейчас же обежал вокруг всего стада, которое паслось в небольшой долине, окруженной со всех сторон холмами. Повидимому, с овцами все было благополучно, но все же Бэн взбежал на ближний холм, присел на корточки и наблюдал за стадом. От времени до времени он вскакивал и бегал взад и вперед, как настоящий караульщик. Ему казалось, что не мешает все-таки осмотреть окрестность; для этого он отправился на гребень холма и огляделся по сторонам: ничего не было

12976
ЧЕТЫРЬ
№ 12976
БИБЛИОТЕКА
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

674696
Российская государственная
детская библиотека

видно. Три овцы взобрались на противоположный холм. Бэн поспешно побежал за овцами, накинулся на них, сделал вид, что хочет кусать их и неистово погнал их к стаду. Затем, благодушно оскалившись, он продолжал свой дозор. Бэн ни за что на свете не обидел бы овцы. Прошел час.

Бэн сам не знал, почему, — он ничего еще не видел, ничего не слышал и не ощущал никакого запаха, — только волосы у него встали дыбом. Он зорко уставился глазами через долину на противоположные холмы.

Что это? Ему показалось, что над самым краем холма на мгновение поднялся кончик чьего-то уха и сейчас же исчез. Овцы были спокойны. Бэн почуял какой-то странный и отвратительный запах. Он зарычал и побежал быстрее. Его инстинкт подсказал ему, что это такое. Простая собака поскорей повернула бы хвост; безрассудно смелая собака бросилась бы вперед навстречу смерти. Бэн не сделал ни того ни другого. Он в одну секунду сообразил, что ему надо

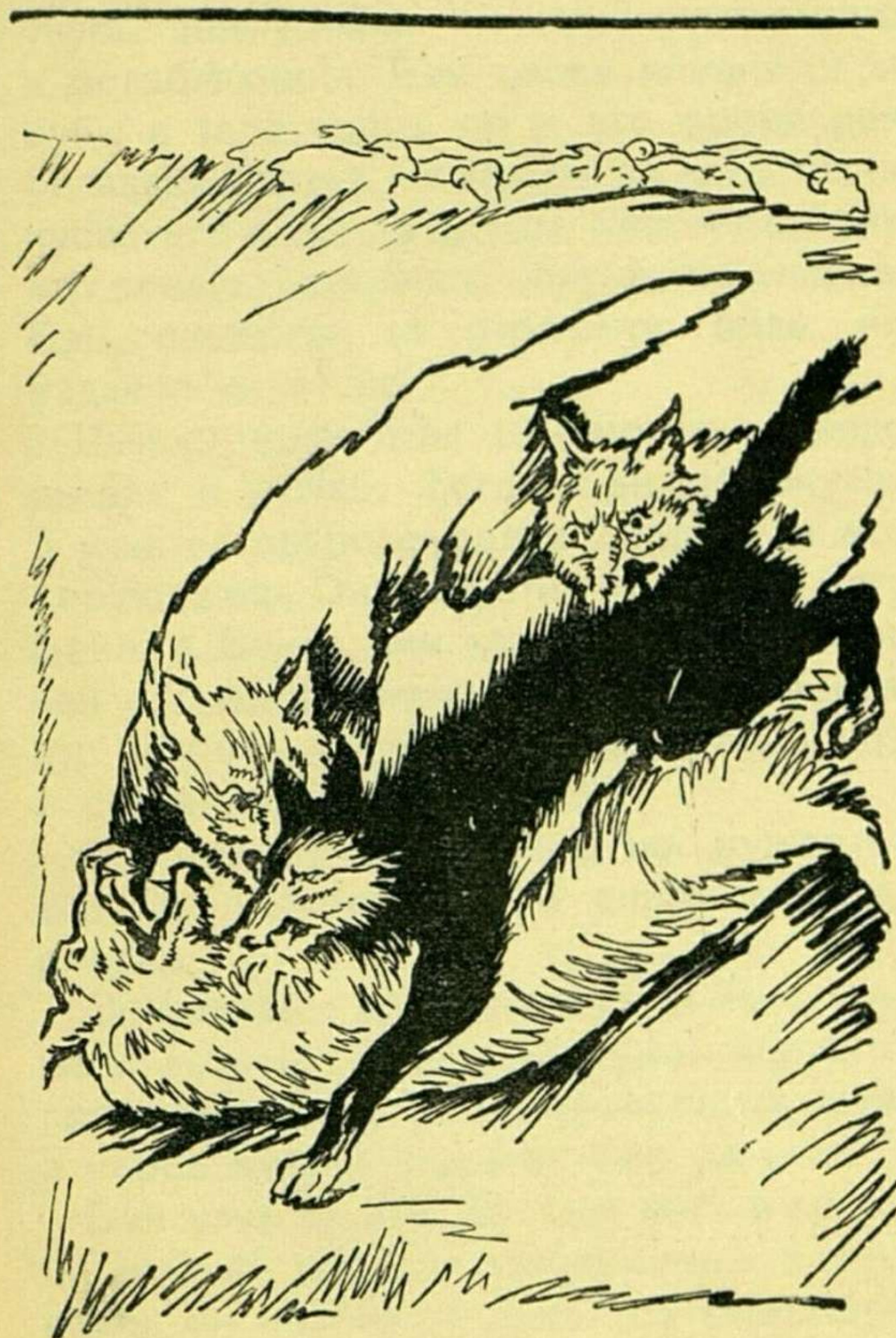
делать. Его дело—прежде всего спасти стадо, а потом уже самого себя.

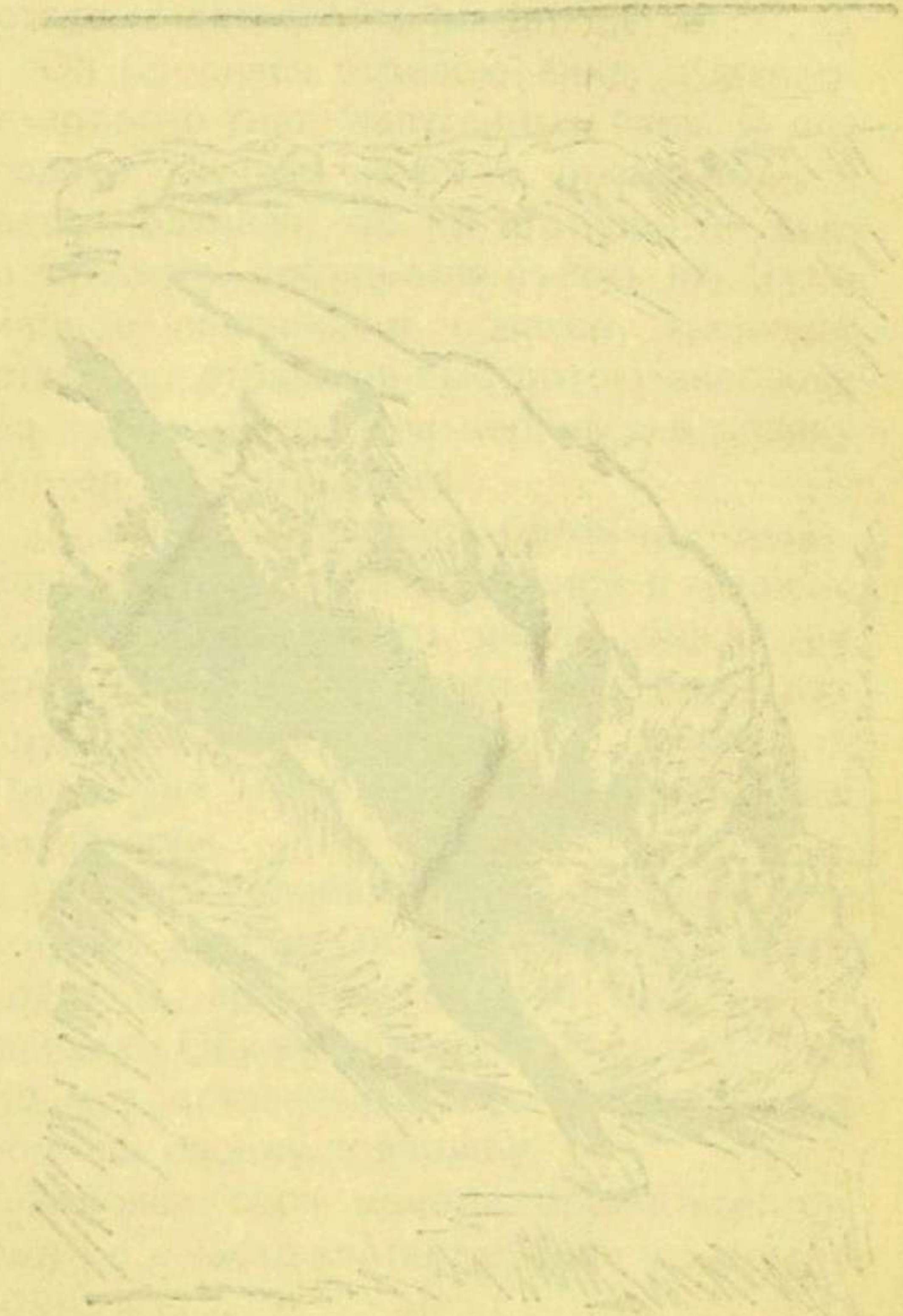
Он бросился стрелою вниз, в долину, и яростно гнал напуганных овец. В его голосе звучала какая-то новая нота, и овцы подумали, что на этот раз он, действительно, собирается съесть их. Охваченное паническим страхом, тысячное стадо со страшной быстротою внеслось на холмы. Тогда Бэн вернулся в долину и стал ожидать врага.

С холма спускались бегом три волка, каждый из них был величиной с теленка. Один, темно-рыжего цвета, бежал на аршин впереди; позади его были два других, серой, почти черной, шерсти, и, когда они приблизились, раздался их дикий крик.

Бэн не колебался. Он бросился навстречу врагам. Он выбрал себе рыжего волка и, прыгнув, схватил его прямо за горло. Оба вместе покатались по траве. Но два остальных волка бросились на помощь своему товарищу.

У волка своя манера сражаться: он быстро и часто хватает зубами и наносит

укусы неглубокие, но многочисленные и ослабляющие. Бэн также вонзил свои зубы в тело врага, но в это время два остальных волка наскочили на него. Один кусал его сзади, а другой схватил зубами его правую переднюю ногу, выше колена. Бэн, несмотря на страшную боль, не издавал ни стога.

Рыжий волк стал изнемогать тяжело дышал и ослаб. Тогда Бэн обернулся и ухватил второго волка сверху за его серую шею. Он выпустил из зубов ногу Бэна, а Бэн с ним так же расправился, как и с рыжим волком. Бэн чувствовал, что слабеет, но все же решил покончить и с третьим волком.

Он совсем обессилел, но мужество его не ослабевало; он слабо зашагал вперед.

Оставшийся враг прыгнул на него, свирепо щелкая зубами, но промахнулся и, проскочив мимо Бэна, понесся на холм, а через минуту скрылся уже из глаз.

Бэн упал на бок. Он был весь в крови; на ребрах повисли ободранные клочья кожи; он ничего не видел от изнеможе-

ния; но в это время он услышал шаги своего хозяина и голос его: „Бэн! Бэн! Что с тобой?“

Затем он почувствовал, что его завертывают во что-то и нежно несут к ручью; там ему обмыли раны и перевязали ногу. После этого его снесли в хижину, где раны его были намазаны мазью, а его самого уложили на подстилку. Только тогда уже Мосс отправился разыскивать своих овец. Они были целы и мирно щипали траву.

Через неделю Бэн, прихрамывая, бродил около загона, а через месяц он был уж совсем, как ни в чем не бывало. На шее у него надет был серебряный ошейник, а на ошейнике висела золотая дощечка, на которой было написано, как он сражался с волками. Но после этого Мосс уже никогда больше не оставлял его одного на холмах.

15 коп.

510-

1 9 2 8

К